Воспоминанія о фельдмаршалѣ князѣ Александрѣ Ивановичѣ Барятинскомъ. [1)]

Генералъ Козловскій.—Назначеніе князя на его мѣсто.—Отношеніе князя къ подчиненнымъ.—Мнѣніе его о Муравьевѣ.—Скобелевъ.—Евдокимовъ.—Письмо къ Государю.—Встрѣча на Кавказѣ съ юнкеромъ графомъ Л. Н. Толстымъ.

20-го января 1888 года скоропостижно скончался въ Петербургѣ кн. Петръ Дмитріевичъ Гагаринъ, бывшій адъютантъ фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинскаго. Покойный до конца дней своихъ сохранялъ глубокое, благоговѣйное уваженіе къ памяти фельдмаршала. Онъ любилъ своего бывшаго начальника и крестнаго отца своего старшаго сына по истинѣ сыновнею любовью, по выходѣ въ отставку часто навѣщалъ его и, стараясь по возможности не разставаться съ нимъ, слѣдовалъ за больнымъ фельдмаршаломъ и въ Девонширъ, и въ Женеву. Находясь подъ обаяніемъ высокодаровитой личности сподвижника и друга Императора Александра II, князь Петръ Дмитріевичъ запоминалъ дословно все слышанное имъ въ разное время отъ фельдмаршала по вопросамъ военнаго дѣла, государственной и общественной жизни, его отзывы о современныхъ ему политическихъ событіяхъ, о дѣятеляхъ на поприщѣ гражданской и военной службы и начинавшихъ карьеру молодыхъ людяхъ, имена которыхъ впослѣдствіи сдѣлались историческими. Такимъ образомъ въ памяти покойнаго накопился громадный запасъ представленій о духовно-нравственныхъ достоинствахъ Барятинскаго, объ усвоенныхъ имъ правилахъ государственной мудрости, объ его политическихъ убѣжденіяхъ, предчувствіяхъ и предвидѣніяхъ. Воспоминанія свои о фельдмаршалѣ кн. Петръ Дмитріевичъ хотѣлъ передать потомству въ систематическомъ

[1)] Со словъ кн. Гагарина записано А. П. Мальшинскимъ.

изложеніи и, какъ бы предчувствуя свою близкую кончину, сталъ очень о томъ заботиться съ весны прошлаго года. Слабость глазъ и нервное утомленіе, которымъ онъ страдалъ въ послѣдніе годы своей жизни, не позволяли ему самому заниматься усидчивымъ литературнымъ трудомъ, почему онъ и пригласилъ меня выслушивать его отрывочныя воспоминанія о Барятинскомъ въ простой бесѣдѣ и записывать ихъ въ такомъ сыромъ видѣ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи обработать въ стройное цѣлое. Къ сожалѣнію, моя работа была непродолжительна и шла съ большими перерывами: князю то нездоровилось, то онъ отвлекался отъ своихъ любимыхъ бесѣдъ разными дѣлами, то впадалъ въ такое нравственное настроеніе, которое мѣшало ему „собраться съ мыслями“, какъ онъ говорилъ. Но и то немногое, что я успѣлъ записать и провѣрить, прочитывая покойному, думаю, не лишено историческаго интереса, какъ показаніе лица близкаго къ фельдмаршалу и свято чтившаго память этого государственнаго человѣка.

I.

По выпускѣ изъ Ришельевскаго лицея въ 1847 году, я пріѣхалъ опредѣляться въ Кабардинскій полкъ.

Это было въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Полкомъ командовалъ генералъ Викентій Михайловичъ Козловскій, но уже ждали пріѣзда новаго командира—князя Александра Ивановича Барятинскаго.

Генералъ Козловскій принадлежалъ къ типу старыхъ кавказскихъ командировъ: сжился съ полкомъ какъ съ родною семьею и въ торжественныхъ случаяхъ держалъ себя по-домашнему, нисколько не заботясь о соблюденіи этикета, о которомъ едва-ли даже имѣлъ понятіе.

Въ полку разсказывали про его рѣдкое присутствіе духа и находчивость въ стычкахъ съ непріятелемъ.

Какъ-то разъ находился онъ на сѣнокосѣ съ отрядомъ пѣхоты и казаковъ. Пѣхота, работая, отошла на значительное разстояніе назадъ, какъ въ это время, откуда ни возьмись, нагрянули чеченцы. Казаки стойкостью не отличались и, застигнутые въ расплохъ болѣе многочисленнымъ непріятелемъ, нерѣдко колебались. Зная такую казацкую сноровку, Козловскій лихо провозгласилъ:

— Братцы! счастье на нашей сторонѣ: непріятеля много—онъ для насъ большая цѣль, а насъ мало—мы для него маленькая цѣль. За дѣло!

Казаки завязали перестрѣлку, а тѣмъ временемъ подоспѣла пѣхота, и чеченцы были отбиты.

Ровно за годъ до моего пріѣзда этотъ боевой генералъ прославился молодецкою защитою Внезапнаго—тогдашней штабъ-квартиры полка.

Для охраны Внезапнаго въ немъ стоялъ 5-ый батальонъ, а въ форштадтѣ (Андреевской деревнѣ) была расположена учебная команда; но весною 1846 года случилось, что въ укрѣпленіи осталось отъ батальона всего двѣ роты: остальныя разбрелись по окрестностямъ, занимаясь полевыми работами и по причинѣ бездорожья, причиненнаго сильнымъ разлитіемъ водъ, находились внѣ всякихъ сношеній съ полковою штабъ-квартирою. Этимъ воспользовался Шамиль и подступилъ къ Внезапному съ большими силами. Генералъ Козловскій очутился на-чисто отрѣзаннымъ съ горстью защитниковъ слабой крѣпостцы: не только нельзя было разсчитывать на помощь со стороны генерала Фрейтага — начальника лѣваго фланга,—но бездорожье отнимало всякую надежду и на то, чтобы стянуть къ укрѣпленію разбросанныя части Кабардинскаго полка.

Въ эту критическую минуту Козловскій бросился въ Андреевскую деревню, вывелъ оттуда учебную команду, разставилъ ее у крѣпостныхъ воротъ, заперся и твердо объявилъ гарнизону:

— Непріятель много сильнѣе насъ. Если Господь не поможетъ, никто изъ насъ живъ не останется. Но если кто уцѣлѣетъ и доберется къ своимъ хотя бы ползкомъ, то прошу того сказать нашимъ, что генералъ Козловскій, дворянинъ...

— Тутъ онъ назвалъ губернію, но какую—я позабылъ...

....Генералъ Козловскій пятьдесятъ лѣтъ ждалъ чести сложить свою голову за славу Россіи и, умирая, былъ счастливъ, что удостоился этой чести.

Надо знать, что Викентій Михайловичъ происходилъ изъ среды *польскаго* дворянства.

Господь не оставилъ доблестнаго командира: на третій день къ Внезапному какимъ-то чудомъ подошелъ на выручку генералъ Фрейтагъ...

И такъ, Козловскій покидалъ полкъ, поступавшій подъ команду флигель-адъютанта Барятинскаго. Новый командиръ пріѣхалъ въ іюлѣ. О немъ мы знали только, что въ 1839 году, будучи еще корнетомъ Гатчинскаго кирасирскаго полка и состоя при Вельяминовѣ, на правомъ флангѣ, онъ былъ тяжело раненъ пулею въ грудь.

Барятинскій произвелъ на насъ впечатлѣніе чего-то чарующаго и это первое впечатлѣніе никогда не проходило.

Я лично, тогда еще только опредѣляющійся въ полкъ, былъ принятъ имъ какъ частный человѣкъ.

Обошелся онъ со мною очень привѣтливо, сказалъ, что обо мнѣ пишетъ „и горячо рекомендуетъ“ меня кн. Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, у котораго въ Одессѣ, когда онъ управлялъ Новороссійскимъ краемъ, я бывалъ въ домѣ съ дѣтства и считался баловнемъ княгини Елизаветы Ксаверьевны.

— Но этого ничего не нужно, прибавилъ Барятинскій:— я самъ узнаю васъ и службу вашу буду цѣнить по аттестаціи вашего ротнаго командира.

Напутствовалъ онъ меня такими словами:

— Теперь, Гагаринъ, *прощайте*. Я буду видѣть въ васъ только нижняго чина и строго взыскивать за всякое нарушеніе подчиненности. Если при встрѣчѣ со мною вы не сдѣлаете фронта и не отдадите мнѣ чести по всѣмъ правиламъ (тогда скидали фуражку и вытягивали руки по швамъ)— попадете на гауптвахту; но вы, конечно, это сдѣлаете...

Меня отправили въ Андревскую деревню, въ учебную роту, которою командовалъ произведенный изъ фельдфебелей поручикъ Власовъ.

Вскорѣ затѣмъ, мѣсяца черезъ полтора или два (въ сентябрѣ, кажется), по ходатайству князя Александра Ивановича, штабъ-квартира Кабардинскаго полка была перенесена изъ Внезапнаго въ Хасафъ-Юртъ, т. е. отодвинута на 12 верстъ назадъ, внутрь на плоскость. Помѣщенная, такимъ образомъ, въ центрѣ расположенія полка, она не подвергалась болѣе опасности быть отрѣзанною отъ частей, какъ это случилось въ 1846 году. Въ такой мѣрѣ всѣ видѣли предусмотрительность командира и его знаніе военнаго дѣла.

Сюда, по прошествіи 3-хъ мѣсяцевъ пребыванія въ учебной ротѣ, я былъ посланъ къ Барятинскому на ординарцы, а выдержавъ фронтовое испытаніе и получивъ унтеръ-офицерскія нашивки, какъ юнкеръ-ординарецъ, по заведенному порядку, сталъ посѣщать командира наравнѣ съ офицерами.

Къ Барятинскому сходились два раза въ день: завтракать и обѣдать, или обѣдать и ужинать.

Сначала князь, содержавшій общій столъ, разумѣется, на свой счетъ, назначалъ завтракъ въ 1 часъ дня и обѣдъ въ 7 часовъ вечера. Къ завтраку постоянно приходили всѣ,

но обѣденный столъ скоро сталъ пустѣть. Воспитанный въ обычаяхъ большаго свѣта, тридцатилѣтній командиръ недоумѣвалъ, что бы это могло значить. Оказалось, что гг. офицеры привыкли обѣдать гораздо раньше, и тѣ изъ нихъ, что были постарше годами—обыкновенно ужинали въ 7 часовъ вечера. Узнавъ объ этомъ, князь немедленно назначилъ обѣдъ въ часъ и ужинъ въ 7 часовъ. Мы очень цѣнили такое вниманіе начальника.

За длиннымъ столомъ, на одномъ концѣ садился хозяинъ, а на концѣ противоположномъ занималъ мѣсто старшій батальонный командиръ; другіе размѣщались, какъ пришлось. Никакого чинопочитанія за столомъ не соблюдали; здѣсь всѣ были равны, всѣ были гости князя. Разговоръ начиналъ и поддерживалъ, кто хотѣлъ. Терпимость къ мнѣніямъ была полная, и хозяинъ въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, подавалъ намъ примѣръ. Не соглашаясь, онъ спорилъ, часто горячился, но всегда выслушивалъ возраженія (*умѣлъ* слушать) и никогда ихъ не останавливалъ. Если замѣчали, что князю какой-нибудь разговоръ не нравится, что онъ хмурится—и перемѣняли тему, то это дѣлали по собственному побужденію, потому что его уважали и не желали дѣлать ему непріятное.

Былъ у насъ въ полку поручикъ Берикъ, квартирмейстеръ 5-го батальона, малороссъ, простой и прямой человѣкъ. Батальону приказано было выступить въ какую-то незначительную экспедицію. Походъ предстоялъ короткій и скорый, а потому князь приказалъ батальонному командиру, полковнику Яковенко, взять только двѣ палатки, для случайныхъ больныхъ. Двухъ палатокъ полковнику казалось мало. Объ этомъ вспомнилъ Берикъ за столомъ у Барятинскаго.

— Ваше сіятельство, сказалъ онъ:—вотъ полковникъ Яковенко находитъ, что двухъ палатокъ мало.

Князь посмотрѣлъ на говорящаго долгимъ и пристальнымъ взглядомъ и произнесъ, не возвышая голоса, но начальническимъ тономъ:

— Встаньте!

Берикъ всталъ.

— Теперь докладывайте, спокойно сказалъ князь.

Берикъ повторилъ, добавивъ нѣкоторыя объясненія.

Выслушавъ, Барятинскій все также спокойно отвѣтилъ, что для такого короткаго и непродолжительнаго похода достаточно и двухъ палатокъ.

Полковникъ Яковенко хотѣлъ возразить и сталъ при-

подниматься съ мѣста, но Барятинскій знáкомъ пригласилъ его сѣсть и сухо отрѣзалъ:

— Безполезно обсуждать, я рѣшилъ, что больше двухъ палатокъ не будетъ.

И перемѣнилъ разговоръ.

Всѣ поняли, что, по мнѣнію князя, служебныя дѣла несовмѣстимы съ товарищескими бесѣдами и никогда впослѣдствіи за его столомъ о службѣ не заговаривали.

Барятинскій требовалъ отъ подчиненныхъ знанія службы, а не той фронтовой выправки, которая иными начальниками доводилась тогда до виртуозности. Въ кавказскихъ войскахъ вообще дѣлались отступленія отъ устава. Офицеры, напримѣръ, могли одѣваться въ черкески. Всѣ офицеры Кабардинскаго полка, да и другихъ пѣхотныхъ полковъ лѣваго фланга, ѣздили верхомъ, и хорошо ѣздили, нисколько не хуже драгунъ. Самъ воспитанникъ школы кавалерійскихъ юнкеровъ и превосходный ѣздокъ, Барятинскій требовалъ, чтобы мы занимались джигитовкою, которой онъ придавалъ большое значеніе. Не говоря уже о томъ, что ею развивается ловкость наѣздника до высокой степени совершенства, она рѣшительно необходима въ горной войнѣ, при постоянныхъ почти, рукопашныхъ схваткахъ. У насъ переплыть Терекъ верхомъ не считалось за удальство, тогда какъ въ гвардейскихъ кавалерійскихъ полкахъ не только въ то время, но и гораздо позже обзывали шарлатаномъ рѣшавшагося на менѣе опасную переправу вплавь—черезъ Вислу подъ Варшавой. Слышалъ я отъ самого князя Александра Ивановича подобный отзывъ о покойномъ полководцѣ нашемъ Михаилѣ Дмитріевичѣ Скобелевѣ, когда тотъ служилъ поручикомъ въ Гродненскомъ гусарскомъ полку.

— Когда я жилъ въ Вильнѣ, разсказывалъ князь, писалъ ко мнѣ Барановъ и просилъ узнать, почему Скобелева не любятъ въ полку, да такъ не любятъ, что хотятъ выжить. Я обратился къ полковому командиру Гроттену. Онъ отвѣтилъ: „не любятъ за то, что гордецъ, никогда съ товарищами вмѣстѣ не кутитъ и все книжки читаетъ, да къ тому же и шарлатанъ—Вислу верхомъ переплылъ“. Я написалъ Гроттену, смѣялся фельдмаршалъ, что не вижу никакого порока въ томъ, что молодой человѣкъ желаетъ учиться; на счетъ же его „шарлатанства“ замѣтилъ, что у меня всѣ офицеры, и пѣхотные, переплывали Терекъ и что, по моему мнѣнію, надо стремиться къ тому, чтобы кавалеристы могли переплывать рѣки цѣлыми отрядами.

*

Барятинскій своимъ рѣдкимъ даромъ распознаванія людей съ первой же встрѣчи со Скобелевымъ провидѣлъ въ немъ военный талантъ.

Молодой гусарскій поручикъ путешествовалъ по Англіи въ то время, когда фельдмаршалъ проживалъ въ Девонширѣ, въ 6 час. ѣзды отъ Лондона по желѣзной дорогѣ.

— Представьте, говорилъ мнѣ князь: когда Скобелевъ навѣстилъ меня, я спросилъ его, какъ проводитъ онъ время. Оказалось, что онъ изучаетъ мѣста побѣдъ Вильгельма Завоевателя. Вѣдь и я, когда пріѣхалъ въ Англію, началъ съ осмотра этихъ мѣстъ... Мальчикъ пойдетъ впередъ.

Барятинскій слѣдилъ за подвигами Скобелева въ средней Азіи, радовался его успѣхамъ и не разъ говаривалъ: „Я ему подчинюсь“. Это была у него высшая степень одобренія таланта. Онъ также отзывался и о генералѣ Гейманѣ, высоко цѣня его военныя дарованія. Но того же Геймана онъ не уважалъ,—Гейманъ составилъ себѣ незавидную репутацію карточнаго игрока и покровителя азартной игры въ своемъ отрядѣ. Про него разсказывали, что какъ-то разъ одинъ изъ подчиненныхъ ему военныхъ инженеровъ проигралъ 5.000 р. казенныхъ денегъ. Не имѣя чѣмъ пополнить растрату, офицеръ повинился генералу.

— А банкъ *ты* металъ? спросилъ Гейманъ.

— Нѣтъ, все понтировалъ...

— Дуракъ!

Послѣ такого лаконическаго замѣчанія, генералъ досталъ изъ бюро 5.000 руб. и, передавая ихъ инженеру, сказалъ:

— Мечи. Закладывай маленькіе банки. Не отыграешься, отдамъ подъ судъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней инженеръ явился къ генералу съ 15.000 рублей. Гейманъ отсчиталъ свои 5.000.

Къ Скобелеву Барятинскій всегда относился съ сердечнымъ участіемъ. Когда Михаилъ Дмитріевичъ впалъ въ немилость при Дворѣ, князь Александръ Ивановичъ выступилъ его горячимъ защитникомъ.

Помню, какъ онъ хлопоталъ объ аудіенціи у Государыни Цесаревны, чтобы „устроить“ молодаго героя, котораго по возвращеніи изъ Кокана приняли болѣе чѣмъ сухо и со всѣхъ сторонъ тѣснили интригами.

Живя тогда въ Петербургѣ, Барятинскій вставалъ рано. Между $8^1/_2$ и $9^1/_2$ часами утра его обыкновенно посѣщали близкіе люди. Къ числу такихъ посѣтителей принадлежалъ

и бывшій его адъютантъ Вас. Вас. Зиновьевъ, теперь генералъ-адъютантъ, а тогда управляющій Дворомъ Наслѣдника Цесаревича. Въ одно изъ утреннихъ посѣщеній Зиновьева князь при мнѣ просилъ его отвести ему во дворцѣ какую-нибудь комнатку, гдѣ бы онъ могъ посидѣть, покуда Цесаревна окончитъ пріемы.

— Вы мнѣ не откажете, говорилъ Барятинскій, въ стаканъ чая и дадите выкурить папироску, а когда всѣ уйдутъ, тогда я представлюсь. Хочу переговорить съ Цесаревною на свободѣ, чтобы устроить Скобелева.

Не знаю, въ чемъ именно состоялъ разговоръ фельдмаршала съ Государыней Цесаревной, но знаю, что на другой день Михаилъ Дмитріевичъ удостоился ласковаго пріема и когда выходилъ отъ нея, то плакалъ и говорилъ:

— Первый разъ меня приняли въ этомъ дворцѣ какъ человѣка.

Вообще въ правилахъ Барятинскаго было горою стоять за людей полезныхъ.

Онъ энергично отстоялъ Евдокимова, не смотря на то, что Государь настаиваль на его удаленіи. На категорично выраженное въ этомъ смыслѣ желаніе Государя я самъ писалъ отвѣтное письмо подъ диктовку фельдмаршала. Оно было кратко:

„Ваше Императорское Величество!“

„Воля Ваша, Государь, для меня священна, но да будетъ извѣстно Вашему Величеству, что Евдокимовъ ось того колеса, которое Вы мнѣ поручили вертѣть“.

Такимъ оффиціальнымъ обращеніемъ Барятинскій начиналъ свои письма къ Государю только въ тѣхъ случаяхъ, когда желалъ выразить свое огорченіе. Обычнымъ же словомъ его обращенія къ Императору Александру II было: „Государь или „Sire“, когда онъ писалъ по-французски; переписка чаще велась на французскомъ языкѣ.

II.

Отстаивая людей полезныхъ государству, фельдмаршалъ считалъ излишнею жестокостью подвергать провинившихся всей строгости закона. Неблагонадежныхъ должностныхъ лицъ и буяновъ онъ предпочиталъ удалять со службы административнымъ порядкомъ, „гнать вонъ“, не предавая ихъ суду.

Былъ въ Кабардинскомъ полку одинъ офицеръ—большой

безобразникъ. Напившись въ духанѣ, онъ по самому ничтожному поводу, а то и безъ всякаго повода, обнажалъ шашку и неистовствовалъ. Такіе герои очень не нравились Барятинскому и онъ настаивалъ на увольненіи офицера въ отставку, но высшее начальство воспротивилось; буяна перевели только въ линейный полкъ, стоявшій въ Пятигорскѣ. Тамъ онъ не замедлилъ себя показать: напился пьянъ и вынулъ шашку, даже чуть ли не порубилъ ею кого-то изъ мирныхъ гражданъ. Его судили и разжаловали въ солдаты, другими словами—совсѣмъ погубили, спасая отъ строгости Барятинскаго.

Князь Александръ Ивановичъ, при всей твердости своего характера и непоколебимой рѣшимости въ исполненіи разъ задуманнаго плана, не признавалъ надобности въ огульныхъ безпощадныхъ мѣрахъ ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ. Дѣйствія Муравьева по усмиренію возстанія въ Западномъ краѣ онъ называлъ „звѣрствами“ и душевно скорбѣлъ, когда оттуда обращались къ нему за помощію.

Былъ съ нимъ такой случай во время жизни въ Девонширскомъ графствѣ.

При Барятинскомъ состоялъ докторъ полякъ. Самъ князь медицинѣ не довѣрялъ и, хотя часто страдалъ подагрою и по временамъ онѣмѣніемъ поясницы, очень неохотно подчинялся предписаніямъ врачей.

— Отъ докторовъ, шутя говаривалъ онъ, я держу револьверъ.

Доктора, о которомъ я говорю, онъ пригласилъ къ себѣ въ Вильнѣ, и не по собственному желанію, а по настоянію Государя, который требовалъ, чтобы фельдмаршалъ серьезно лѣчился.

Докторъ занималъ помѣщеніе въ концѣ корридора, примыкавшаго къ кабинету князя.

Однажды, сидя у себя въ кабинетѣ, фельдмаршалъ услышалъ отчаянные вопли со стороны корридора.

— Тамъ плачъ и скрежетъ зубовный, въ волненіи сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Въ эту минуту въ дверяхъ изъ корридора показалась княгиня съ телеграммою въ рукахъ.

— Лиза, что тамъ такое? тревожно спросилъ Барятинскій.

Въ квартирѣ доктора разыгрывалась мучительная семейная драма. Оказалось, что отъ его брата—виленскаго помѣщика—получена телеграмма слѣдующаго лаконическаго содержанія:

„Сынъ приговоренъ къ смертной казни, проси у князя защиты“.

Взявъ изъ рукъ жены эту телеграмму и прочтя ее, фельдмаршалъ молча опустилъ голову. Его удручало сознаніе собственнаго безсилія.

— Какъ помочь? Къ кому обратиться? тихо проговорилъ онъ:—къ Государю? Отвѣтитъ: не въ свое дѣло мѣшаешься. Къ Муравьеву? Совсѣмъ ничего не отвѣтитъ, а жестокое дѣло сдѣлаетъ...

Весь день не покидало его тяжелое раздумье.

Поѣхали кататься. Сидя молча въ коляскѣ, фельдмаршалъ вдругъ произнесъ вслухъ, но какъ бы про себя:

— Какая у Муравьева длинная рука, и сюда хватаетъ.

На слѣдующій день утромъ, по обыкновенію навѣстивъ фельдмаршала, я засталъ его въ пасмурномъ настроеніи.

Вошелъ докторъ.

Барятинскій осторожно взглянулъ на него и невольно изумился: докторъ сіялъ радостью.

— Отчего вы такъ веселы сегодня? спросилъ фельдмаршалъ.

Вмѣсто отвѣта докторъ съ улыбкою счастливца подалъ телеграмму.

Фельдмаршалъ прочелъ: „Не безпокой князя, сына помиловали“ и посмотрѣлъ на доктора тѣмъ взглядомъ сожалѣнія, какимъ смотрятъ на человѣка, потерявшаго разсудокъ.

— Ваше мѣсто не здѣсь, строго сказалъ онъ:—поѣзжайте съ Богомъ, докторъ, спѣшите утѣшить брата: Муравьевъ не шутитъ.

Докторъ немедленно послѣдовалъ доброму совѣту, которымъ только и могъ помочь ему фельдмаршалъ. Потомъ узнали, что племянникъ доктора еще до пріѣзда дяди умеръ на висѣлицѣ.

Подъ живымъ впечатлѣніемъ „длинной руки“ Муравьева, я спросилъ князя Александра Ивановича, не полагаетъ ли онъ, что лучше было бы вмѣсто крутыхъ мѣръ, Сибири и каторги, взяться за вѣжливыя мѣры? Что бы, напримѣръ, перенести столицу въ Кіевъ? Тогда самъ собою разрѣшился бы польскій вопросъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, и вспомнились мнѣ стихи Пушкина:

Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ?

Фельдмаршалъ ничего не отвѣтилъ.

Весь день и вечеръ я находился въ недоумѣніи.

— Не понравился ему мой вопросъ, порѣшилъ я, уходя спать въ отведенную мнѣ комнату на его виллѣ.

Вдругъ входитъ камердинеръ:

— Его сіятельство просятъ пожаловать.

— Что случилось! думаю. Спѣшу.

Фельдмаршала я уже засталъ въ постели.

— Откройте шкапъ, говоритъ онъ.

Я открылъ.

— Возьмите вонъ тамъ... на полкѣ портфель... Выньте оттуда письмо на имя Государя... Прочтите.

Я пробѣжалъ письмо — и тогда только мое недоумѣніе разсѣялось. Въ своемъ письмѣ изъ Вильны фельдмаршалъ подробно развивалъ ту самую мысль, которая утромъ мелькнула у меня въ головѣ, т. е. мысль о перенесеніи столицы въ Кіевъ, съ цѣлью утвердить русскую государственность въ Западномъ краѣ, окончательно и безповоротно *обрусить* этотъ край.

— Что же? спросилъ я, живо интересуясь результатомъ.

— А вотъ что. Въ одинъ изъ морозныхъ дней, въ Петербургѣ, Государь и я смотрѣли изъ оконъ Зимняго Дворца на рысистые бѣга на Невѣ. Я заговорилъ о перенесеніи столицы. Но онъ только забарабанилъ пальцами по стеклу.

— Что это значитъ? спросилъ я фельдмаршала.

— Значитъ: перестань говорить глупости...

III.

Въ 1852-мъ году Барятинскій взялъ меня къ себѣ въ адъютанты. Командуя лѣвымъ флангомъ, онъ жилъ тогда въ Грозной. Боевыя предпріятія и распоряженія по войскамъ никогда не мѣшали ему заниматься политикою, за которою онъ внимательно слѣдилъ по французскимъ газетамъ, прочитывая ихъ обыкновенно за завтракомъ. Какъ-то разъ, пробѣжавъ такую газету, онъ отмѣтилъ въ ней что-то, поморщился и отложилъ въ сторону. За столомъ онъ не произнесъ ни слова, а когда подали кофе и офицеры стали выходить на балконъ, размѣщаясь какъ кому удобнѣе, всегда до утонченности вѣжливый хозяинъ сдѣлалъ общій поклонъ и, сказавъ мнѣ: faites les honneurs, направился къ себѣ въ кабинетъ. На порогѣ онъ обернулся и со словами:

— Да, Гагаринъ, не забудьте, что завтра мы выѣзжаемъ въ Хасафъ-Юртъ — заперъ за собою дверь.

Къ обѣду онъ вовсе не вышелъ и я такъ и не видѣлъ его до утра.

На слѣдующій день, на разсвѣтѣ, явилась *оказія* т. е. конвойный отрядъ пѣхоты, безъ котораго въ то время было крайне опасно пускаться въ путь между укрѣпленіями. По сторонамъ дороги постоянно залегали „партіи", т. е. шайки чеченцевъ и не упускали случая нападать на оплошныхъ.

Подали коляску, въ которую князь рядомъ съ собою всегда сажалъ и своего адъютанта.

Тронулись.

Передвиженіе съ оказіей медленное до утомительности (переѣздъ въ 50 верстъ отъ Грозной до Хасафъ-Юрта длился не менѣе 10—11 часовъ), естественно вызывало на разговоръ рядомъ сидящихъ въ экипажѣ, къ тому же сосредоточенная задумчивость и молчаливость не были въ характерѣ князя Александра Ивановича, всегда привѣтливаго и любезнаго; но на этотъ разъ онъ хмурился и хранилъ гробовое молчаніе. Я подумалъ, не боленъ ли онъ, и рѣшился спросить:

— Etes-vous indisposé, mon prince?

— Нѣтъ... но только смотрите, Гагаринъ, держите мои слова про себя, оговорился князь, не жаловавшій болтливыхъ приближенныхъ и очень сдержанный съ такими людьми, которые не умѣли хранить въ тайнѣ что-либо имъ довѣренное.

— Je suis mal impressioné de la nouvelle que j'ai lu hier dans le journal.

Я слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, почему и помню дословно слѣдующій разговоръ.

— L'Empereur, продолжалъ онъ, n'a pas reconnu Napoléon III pour frère. C'est une grande faute, par ce que cela fera faire Napoléon une alliance monstrueuse et nous entraînera dans une guerre monstrueuse.

Подумавъ немного, онъ замѣтилъ съ горечью:

— En général notre politique marche d'une si triste façon que je ne répondrais pas ni du Caucase, ni de la Crimée, et peut être même qu'Odessa nous sera enlevée.

Я любилъ Одессу, какъ свою вторую родину, и такое мрачное пророчество больно кольнуло меня. Не сдержавъ себя, я быстрымъ движеніемъ отвернулся въ сторону.

— Cela vous étonne? спросилъ князь.

Я съ горячностью отвѣтилъ:

— Oui! Par ce que je crois que nous serons toujours assez forts pour lutter contre les Moldaves.

— Ce ne seront plus les Moldaves, mais probablement

ce sera un royaume uni avec un princillon allemand pour le roi. L'Autriche occupera notre place au Danube.

— Que deviendrons-nous alors?

— Un grand peuple, les *великоруссы*. à peu près 48 millions d'habitants, mais sans avenir et sans mers.

Несмотря на свою близость къ покойному Государю, на безграничное довѣріе къ нему его царственнаго друга, Барятинскому, на посту намѣстника, приходилось встрѣчать затрудненія въ свохъ ходатайствахъ. Почти невѣроятно, но несомнѣнно однако, что ему отказывали въ 2.000.000 р., необходимыхъ для окончательнаго покоренія Кавказа. Чтобы получить эту сумму во-время, ему самому нужно было скакать изъ Тифлиса въ Петербургъ и выхлопотать у Государя собственноручное письменное повелѣніе министру финансовъ выдать деньги. Никто, быть можетъ, не сознавалъ яснѣе князя Александра Ивановича, что несвоевременная или излишняя бережливость въ государственныхъ расходахъ—вреднѣе и опаснѣе расточительности. Такія предпріятія, какъ учрежденіе Русскаго Общества пароходства и торговли, съ дѣятельнымъ участіемъ въ немъ правительства, и проведеніе Закавказской желѣзной дороги,—находили въ немъ энергичнаго сторонника. Онъ цѣнилъ людей, обладающихъ иниціативою и широтою промышленныхъ замысловъ, поощрялъ Кокорева, рекомендованнаго ему Хрулевымъ, и былъ полезенъ Новосельскому, къ которому обращался за совѣтами также и по своимъ личнымъ хозяйственнымъ дѣламъ.

Въ 1863-мъ году, лѣтомъ, фельдмаршалъ жилъ въ царско-сельскомъ дворцѣ, въ 9-мъ нумерѣ. Не разъ случалось, что въ его кабинетѣ, помѣщавшемся въ нижнемъ этажѣ и выходившемъ окнами въ садъ, утромъ, въ отворенную дверь входитъ Государь, навѣщавшій больнаго фельдмаршала, который иногда по цѣлымъ днямъ не вставалъ съ дивана, въ припадкѣ онѣмѣнія поясницы. Приступы поясничнаго паралича не сопровождались у князя никакими болями, ни острыми, ни тупыми. Разъ я засталъ фельдмаршала лежавшимъ на диванѣ ничкомъ, а его огромная собака растянулась у него на спинѣ. Я хотѣлъ согнать собаку, но князь меня остановилъ.

— Если вы теперь по моей спинѣ палкою вытянете, сказалъ онъ, то я ничего не почувствую.

Ежедневно навѣщая больнаго, я какъ-то спросилъ его—видѣлъ ли онъ Новосельскаго, который, я зналъ, уже нѣсколько разъ къ нему навѣдывался.

Передъ тѣмъ Новосельскій понесъ крупную потерю на разработкѣ соли въ лиманахъ близъ Одессы: вслѣдствіе наводненія всю наготовленную соль вынесло въ море. Фельдмаршалъ зналъ объ этомъ несчастіи, и когда я напомнилъ ему о Новосельскомъ, то у него сорвалось:

— На мѣстѣ Государя я сейчасъ бы велѣлъ выдать ему 500.000 рублей.

— И въ потерѣ не остались бы, замѣтилъ я: лѣтъ черезъ 5 онъ возвратилъ бы деньги съ процентами.

— Зачѣмъ? вскипятился Барятинскій.

Когда онъ что-либо близко принималъ къ сердцу, то говорилъ какъ бы сердитымъ тономъ, вводившимъ въ заблужденіе мало его знавшихъ:

— Не нужно! казна не разбогатѣетъ и не обѣднѣетъ отъ 500-тъ тысячъ, но, вложенныя способнымъ человѣкомъ въ промышленное дѣло, эти 500-тъ тысячъ принесутъ огромную пользу всему государству.

Примѣромъ отношенія Барятинскаго къ угодливости высокопоставленнымъ лицамъ, доходящей до произвола надъ публикою, можетъ служить слѣдующій случай.

Когда Демидовъ Санъ-Донато женился первымъ бракомъ (съ княжною Мещерскою), молодые въ Твери запоздали къ поѣзду. Сопровождавшій ихъ посаженный отецъ Демидова, братъ фельдмаршала Владиміръ Ивановичъ, генералъ-адъютантъ, просилъ начальника станціи задержать поѣздъ. Тотъ исполнилъ просьбу и задержалъ поѣздъ на 20 минутъ. Узнавъ объ этомъ отъ брата, фельдмаршалъ сказалъ, что немедленно прогналъ бы со службы такого начальника станціи, который въ угоду одному лицу причиняетъ неудобства всей ѣдущей публикѣ.

III.

Вотъ все немногое, что успѣлъ разсказать мнѣ о Барятинскомъ и провѣрить записанное мною покойный кн. П. Д. Гагаринъ. Но у меня остался еще одинъ коротенькій его разсказъ, касающійся лично самого разсказчика и объясняющій, почему конвои или *оказіи* были необходимы не только для генераловъ, но и для офицеровъ. Въ этомъ же разсказѣ упо-

минается о встрѣчѣ съ графомъ Л. Н. Толстымъ. Думаю, что онъ прочтется не безъ интереса и имѣетъ право занять мѣсто въ ряду матеріаловъ для біографіи нашего писателя.

Когда кн. Александръ Ивановичъ находился уже въ Грозной и я состоялъ при немъ, но не носилъ еще ни адъютантскаго званія, ни мундира, случилось происшествіе, частое въ тогдашнемъ быту кавказцевъ, но еще новое для меня.

Это было съ 50-го на 51-й годъ.

Князь куда-то уѣхалъ съ Зиновьевымъ, а я, воспользовавшись досугомъ, предпринялъ partie de plaisir въ Воздвиженскую, штабъ-квартиру Куринскаго полка, расположенную у Аргунскаго ущелья, въ 25 верстахъ отъ Грозной.

Погостивъ въ Воздвиженской, мы возвращались домой съ *оказіей*. Командовалъ капитанъ Владиміръ Полторацкій. Двоюродный братъ его, поручикъ Павелъ Полторацкій, артиллеріи штабсъ-капитанъ Щербачевъ и я ѣхали верхами впереди. Къ намъ примкнулъ артиллерійскій юнкеръ графъ Толстой, Левъ Николаевичъ, нашъ знаменитый писатель, жившій тогда въ мірѣ казачьей идилліи, такъ художественно и великолѣпно разсказанной имъ впослѣдствіи. Толстаго сопровождалъ туземецъ.

Выступили мы въ 7 часовъ утра. Путь лежалъ по хорошей дорогѣ, но оказія—пѣхотный отрядъ—не могла двигаться быстро, насъ же томила скука. Не смотря на то, что было строжайше запрещено, подъ страхомъ отдачи подъ судъ, удаляться отъ оказіи, мы съ полу-пути рысью пустились впередъ. Оказія отстала отъ насъ уже версты на двѣ, когда мы подъѣзжали къ Ермоловскимъ курганамъ—холмистой мѣстности, возвышавшейся вправо отъ дороги. Это мѣсто считалось опаснымъ, потому что за курганами обыкновенно ютились чеченцы изъ ближайшихъ ауловъ, поджидая добычи.

Впереди всѣхъ ѣхалъ Толстой со своимъ туземцемъ.

Я, Полторацкій и Щербачевъ ѣхали рядомъ сзади, нѣсколько поодаль.

Вдругъ справа показалась спускавшаяся съ холмовъ въ карьеръ „партія“ (шайка) чеченцевъ человѣкъ въ 20. Толстой и туземецъ пустились впередъ по направленію къ крѣпости. Меня на мгновеніе взяло раздумье: скакать ли за ними въ крѣпость, до которой оставалось еще добрыхъ 8

верстъ, или повернуть назадъ къ оказіи, находившейся отъ насъ въ разстояніи не болѣе 2 верстъ. Примѣръ туземца, несомнѣнно, разсудилъ я, знавшаго чеченскую сноровку, подѣйствовалъ на меня рѣшительно и я поскакалъ за Толстымъ, а Полторацкій и Щербачевъ повернули назадъ, къ оказіи.

Подскакавъ къ Грозной, я, не въѣзжая въ ворота, крикнулъ часовому:

— Залпъ изъ орудій! Бей тревогу!

Грянули выстрѣлы, загрохоталъ барабанъ—и не прошло 10 минутъ, какъ изъ крѣпости выѣхали двѣ сотни казаковъ.

Пустились на выручку товарищей.

На томъ мѣстѣ, гдѣ мы разстались съ ними за полчаса тому назадъ, уже не было ни души; кругомъ тоже было пусто и тихо, лишь впереди показывалась поспѣшавшая на встрѣчу „оказія“.

Мы разсыпались по окрестности; стали выкрикивать: Полторацкій! Щербачевъ!

Послѣ нѣсколькихъ минутъ поисковъ набрели, вправо отъ дороги, на трупъ лошади Полторацкаго. Вокругъ стояла лужа крови.

На мои учащенные крики: Полторацкій! гдѣ ты, живъ ли? — послышалось изъ-подъ лошади глухое хрипѣніе. Казаки живо стащили лошадь на сторону, и нашимъ глазамъ представилось ужасающее зрѣлище.

Поручикъ былъ буквально залитъ кровью. Онъ не могъ пошевельнуть ни однимъ членомъ и только на зовъ по имени откликался хриплымъ голосомъ.

Когда подошла оказія и ротный цирульникъ—нашъ походный хирургъ — приступилъ къ своему дѣлу, на Полторацкомъ оказалось 17 ранъ, нанесенныхъ шашечными ударами. У цирульника, кажется, и бинтовъ не хватило, чтобы ихъ перевязать.

Щербачева нашли въ кустахъ на противоположной сторонѣ дороги. Онъ былъ раненъ тремя пулями: въ ногу, грудь и животъ, но когда его приподняли — всталъ и пошелъ, прихрамывая. Его, какъ и впавшаго въ забытье Полторацкаго, положили на носилки, всегда имѣвшіяся при оказіи, но отъ движенія носилокъ онъ чувствовалъ сильныя боли въ животѣ и, поддерживаемый подъ руки, пѣшкомъ добрался до крѣпости.

Обоихъ положили въ госпиталь. Щербачевъ къ вечеру

умеръ, а изрубленный шашками Полторацкій дня черезъ три распѣвалъ аріи изъ Нормы.

Благодаря туземцу, я и Толстой избѣжали бѣды вотъ почему:

Разсчитывая на то, что застигнутый врасплохъ неожиданнымъ нападеніемъ инстинктивно повернетъ къ ближайшему прикрытію, чеченцы устраивали западни. Въ то время, какъ выскакивала впередъ, на перерѣзъ, одна ихъ партія, другая, такая же — таилась позади. Когда Полторацкій и Щербачевъ повернули назадъ, то эта другая партія выскочила изъ засады, на перерѣзъ дороги между офицерами и оказіей, съ тыла подскакала первая партія — и оплошные бѣглецы очутились окруженными со всѣхъ сторонъ...

Въ этотъ памятный для меня день я впервые встрѣтился съ графомъ Львомъ Николаевичемъ. Послѣ я видѣлся съ нимъ всего два раза: въ Севастополѣ, во время обороны, въ которой онъ принималъ участіе, и на станціи Бологое, въ 1862 году. Онъ не былъ уже тогда военнымъ. Я встрѣтился съ нимъ за ужиномъ. Графъ говорилъ, что возвращается домой изъ Америки.